

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ, 2 ТОМ

ФИЛОСОФИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Логика позднего Средневековья

Цель – анализ вопросов логики позднего Средневековья в философии Оккама, Берли, Уиклифа и других мыслителей этого периода.

План

1. «Modistic logic».
2. Ментальный язык Оккама.
3. Уолтер Берли и Джон Уиклиф.
4. Трехзначная логика Лёвенского университета.

Ключевые слова

«Modistic logic», «terminist logic», «modi significandi», «virtus sermonis», ментальный язык, теория суппозиции, условная пропозиция, трехзначная логика.

Данная лекция посвящена анализу вопросов логики позднего Средневековья, рассмотренных Энтони Кенни в третьей главе его книги.

Дунс Скот не внес существенного вклада в формальную логику, однако, его метафизические идеи о природе силы и потенциальности имели долгосрочный эффект в модальной логике. Приписываемая ему работа на границе логики и лингвистики «Grammatica Speculativa» долгое время интересовала исследователей, и молодой Мартин Хайдеггер взял ее в качестве предмета своей докторской диссертации. В настоящее время эта работа рассматривается учеными как неподлинная, и ее относят не к Скоту, а к его малоизвестному современнику Томасу Эрфурту, написавшему около 1300.

Эта работа представляла новый подход к логике, принятый Радульфусом Брито и рядом мыслителей конца XIII века и известный как «modistic logic», в отличие от «terminist logic», которую мы видели в работах Петра Испанского и Уильяма Шервудского. Вместо того чтобы изучать свойства отдельных терминов, modistic логики изучали общие грамматические категории – существительные, глаголы, например, случаи и времена, которые они называли *modi significandi*, или способы означающего.

Смысл, согласно modistic логикам, был возложен на звуки человеческой конвенции, которую они назвали «навязыванием», или «установлением». Единичным элементом смысла была дикция. Одна дикция может включать много различных словесных форм: примеры использования латинского существительного, плюс прилагательные и наречия, связанные с ним. Любимым примером была дикция боли, в которую вошли существительное «боль» в различных примерах, глагол «чувствовать боль» и наречие «больно». Основная Конвенция об учреждении дикции боли, вызванной modists первого установления; далее в конвенциях второго установления, установленных этими *modi significandi*, которые связывают различные словоформы с различными видами использования.

Некоторые *modi significandi* были более фундаментальными, чем другие. Некоторые из них определяли слова как особую часть речи – существительное или глагол, например. Другие наделяли их такими функциями, как случай, количество, время, или настроение. Были разработаны сложные правила, чтобы определить, какие слова, при объединении с *modi significandi*, могут составить хорошо сформулированные предложения.

В целом, можно сказать, что изучение *modi significandi* было изучением синтаксиса, в то время как в центре внимания семантики было *ratio significandi*, или знаковое отношение, предоставляемое первым установлением. Спекулятивные грамматисты, или modists, однако, стремились к семантическому элементу, связанному со способами обозначения. Смысл предложения устанавливается в сочетании с *ratio* и *modi*: это его формальный смысл, а его смысл в языке называется *virtus sermonis*, или истинность согласно содержанию речи. В современной терминологии мы могли бы назвать это лексическим смыслом, его значение определяется словарем.

Спекулятивные грамматисты пытались развивать «modistic logic», но более поздние поколения мыслителей занялись возрождением «terminist logic», которая разработала теорию предположения, чтобы иметь дело именно с вопросами взаимосвязи значения и обозначаемого.

Одним из самых значительных представителей «terminist logic» четырнадцатого века был Уильям Оккам. Оккам предлагает новую систему: «terminist logic», которая является номиналистической, а не реалистической. Все знаки, утверждал Оккам, представляют индивидуальные вещи, потому что в мире нет таких вещей, как универсалии для их представления. Он приводит ряд метафизических аргументов против идеи о том, что универсальное – это реальная общая природа, существующая в индивидуальном. Если индивидуумы содержат универсалии, то никто не мог быть создан из ничего, ибо его универсальная часть уже существовала бы. С другой стороны, если бы Бог уничтожил человека, он бы уничтожил одновременно всех других особей того же вида, уничтожая их общую природу.

Универсальное – это единственная вещь, и быть универсальным можно только посредством значения, то есть быть единственным признаком многих вещей. Существует два вида универсалий: естественные и условные. Естественные универсалии – это мысль в нашем разуме; условными универсалиями являются знаки, придуманные для выражения мыслей и для обозначения многих вещей.

Оккам рассматривал ментальные понятия как то, что формирует языковую систему. Кроме разговорных, условных языков, таких как английский и латинский, все люди имеют общий, естественный язык. Именно из этого универсального языка локальные языки получают свое значение. Ментальный язык содержит некоторые грамматические особенности, изученные модистами. Таким образом, ментальный язык содержит существительные и глаголы, но не местоимения и частицы. Существительные имеют падежи и числа, а глаголы имеют спряжения и времена, но нет различных склонений существительных и спряжений глаголов, как в латинской грамматике. Если два латинских выражения, или два выражения в различных языках, являются синонимами друг друга, тогда, по словам Оккама, они будут соответствовать одному, а не двум элементам сознания. Из этого следует, что в самом сознании нет такого понятия, как синонимия.

Другие логики в более позднее время пытались построить идеальные языки, в которых нет двусмысленности или избыточности. Современную формальную логику можно рассматривать как идеализацию фрагментов естественного языка: пропозиционные связки типа «и», «или», «если», количественные как «все» и «некоторые», и различные выражения, касающиеся времени и места. Оккам заслуживает похвалы за то, что первым указал на идеализацию в применении формальной логики в естественном языке, несмотря на его готовность к передаче идиоматических особенностей средневековой латыни в универсальный язык сознания.

Одно дело, когда логик создает идеальный язык для конкретной цели, например, для того, чтобы обратить внимание на особенности естественных языков, которые неоднозначны или вызывают путаницу. Другое дело, когда логики средневековья, или современные логики, утверждают, что их идеальный язык как-то уже присутствует в нашем использовании естественного языка и содержит окончательное объяснение содержательности того, как мы используем слова в повседневной речи. Если бы это было намерением Оккама, тогда его изобретение ментального языка было бы бесполезным, ибо оно не служило такой цели.

На первом месте проблема о природе ментальной сущности, соответствующей устным и письменным существительным. Сам Оккам не раз задумывался об этой проблеме. Изначально он отождествлял имена ментального языка с мысленными образами или представлениями. Это были творения ума – фикции, которые служат элементами ментальных пропозиций. Фикции могут быть универсальными в том смысле, что могут иметь равное сходство со многими вещами.

Каково состояние этих фикций? Оккам на данном этапе утверждает, что они не имеют реального существования, а только то, что он называет «объективным существованием», то есть существованием как объекта мысли. Есть фикции не только вещей, которые действительно существуют в мире, но и таких вещей, как химеры, которые в обычном современном смысле, вымышлены. Когда мы думаем о мысли, есть две вещи, которые следует различать: деятельность нашей мысли, содержание или предмет нашей мысли. Если это последнее является фикцией, то оно и есть термин в ментальной пропозиции.

Позже Оккам стал считать это различие ложным. Нет нужды постулировать объекты мысли: единственные элементы, необходимые для поддержки ментального языка – это сами

мысли. В отличие от химеры, мое мышление о химере – это реальная сущность – временное качество моей души, элемент моей психологической истории. Когда ментальные названия происходят в ментальном предложении, это как элементы в мышлении предложения. Оккам не уточняет, были ли они или последовательными этапами мышления предложения, или набором одновременных мыслей, или одной сложной мыслью.

Номинализм Оккама означает, что он должен изменить теорию суппозиции, которую мы видели у более ранних логиков, таких как Петр Испанский. Оккам выделяет две основные формы суппозиций: простую суппозицию и личную суппозицию.

Простая суппозиция была определена как слово, которое стоит за своим значением; и это означает, что в таком предложении, как «человек смертен», субъект «человек» выступает в качестве универсалия. Но, по определению Оккама, простая суппозиция возникает тогда, когда слово означает ментальную сущность, как в предложении «человек – вид», в котором «человек» означает ментальный термин, единственный тип вещи, который может быть данным видом. Это не тот случай, когда слово стоит за своим значением, потому что для термина «человек» нет других значений, кроме отдельных людей.

В личной суппозиции действительно верно, что термин означает то, что означает. В предложении «каждый человек – животное», слово «человек» означает то, что оно означает, потому что люди означают не то, что является общим для них, но самих людей. Но могут быть и такие личные суппозиции, когда термин не означает ни одной вещи в мире.

Личная суппозиция является основной для Оккама, и она может применяться как к предикатам, так и к субъектам. Таким образом, если Петр, Павел и Иоанн – все люди, то в предложениях «Каждый человек смертен» и «Каждый Апостол – человек», слово «человек» может быть заменено на Петра, Павла или Иоанна. Это означает, что первое предложение эквивалентно предложению «Петр, Павел и Иоанн смертны», а второе эквивалентно предложению «Каждый Апостол – это Петр, или Павел, или Иоанн». Общий термин, другими словами, эквивалентен списку имен собственных – конъюнктивному списку в первом случае и дизъюнктивному списку – во втором.

Оккам использует понятие суппозиции для определения истины. Такие пропозиции, как «Сократ – человек», верны тогда и только тогда, когда субъектный термин «Сократ» и предикатный термин означают одно и то же. Это иногда называют двойственной теорией истины. Но теория Оккама немного сложнее, так как для Оккама общий термин не является именем собственным, но эквивалентен списку собственных имен. И чтобы пропозиции были истинными, одно и то же имя должно встречаться и в списке субъектов, и в списке предикатов.

Легко показать, как можно опровергнуть простую теорию двух имен, говорит Кенни. Если выражение «Сократ – философ» истинно, потому что Сократа можно назвать и Сократом, и философом, нелегко понять, как объяснить условия истины «Сократ не собака». Чтобы знать, что «собака» – это не имя Сократа, мы должны знать, каково это имя: и, кажется, нет никакого ответа на вопрос: «какая собака не может быть Сократом?». В гораздо более сложной теории Оккама есть ответ на этот непростой вопрос: список, соответствующий термину «собака», и одноэлементный список, соответствующий термину «Сократ», не имеют общего термина. Но здесь мы сталкиваемся с еще одной сложностью. Если каждый общий термин является аббревиатурой для списка собственных имен, то суждение должно быть обязательно истинным, либо обязательно ложным. «Сократ – это человек», конечно, не просто случайное определение состояния. Но это будет так, если это будет означать «Сократ – это или Сократ, или Платон, или Аристотель».

Оккам уделяет большое внимание логическим отношениям между различными пропозициями: в XIV веке эту теорию стали называть теорией *consequentiae*. Ранее мыслители использовали это слово в смысле «условная пропозиция». Так, например, в высказывании «Если Сократ – человек, то Сократ – животное», «Сократ – человек» выступает как antecedent, то есть как предшествующее, или условие, а «Сократ – животное» как consequent, то есть как следствие, или вывод.

Оккам начинает с отличия «простых консеквентов (или следствий)» от «консеквентов с этого момента». Затем он переходит ко второму различию – между последствиями, действительными внутренне, и последствиями, действительными внешне. И наконец, он проводит различие

между материальными и формальными последствиями. Оккам формулирует набор правил, применимых к выводам самых разных видов. Это:

1. Ложное не следует из истинного.
2. То, что истинно, может следовать из того, что ложно.
3. Все, что следует из последовательного, следует из предшествующего.
4. Все, что влечет за собой предшествующее, влечет за собой последующее.
5. Случайное не вытекает из необходимого.
6. Невозможное не вытекает из возможного.

Многие из правил Оккама встречаются у более ранних философов, но он был первым, кто установил их систематично, и они в общем виде принимаются последующими логиками.

В труде «Чистое искусство логики» Уолтера Берли в большей степени рассматривается теория следствий, а аристотелевская силлогистика трактуется поверхностно.

Берли принимает различия Оккама между типами следствий и добавляет дополнительные разделы. Он продолжает работу, начатую Оккамом. Но когда мы поворачиваем от теории следствий к более ранней теме свойств терминов, картина меняется. Берли отвергает номинализм, который Оккам встроил в свою логику, и повторяет теорию значений и пропозиций в манере, приближенной к его традиционной реалистической форме.

Берли не только защищал, но и расширил традиционную теорию пропозиций. Как и Оккам до него, он определил хорошо сформированные предложения, которые не были охвачены перечисленными типами личных суппозиций Петра Испанского и Уильяма Шервудского. Одно из таких предложений гласило: «каждый человек любит себя». Берли говорит, что в таком предложении слово «себя» имеет особую форму личной суппозиции, которой он дает новое и сложное техническое название.

Джон Уиклиф, как критик номинализма Оккама, вскоре опередил Уолтера Берли. Его трактат «Об Универсалиях» является устойчивой формой защиты реализма. Ключом к пониманию универсалий, как полагал Уиклиф, является понимание природы предикации. Наиболее очевидной формой предикации являются части предложений, выступающие в качестве субъекта и предиката, или лингвистические элементы как предикации. Это самая обсуждаемая форма предикации, и современные исследователи считают, что других форм нет. На самом деле, говорит Уиклиф, она смоделирована на другом виде предикации, реальной предикации, которая «делится или говорит о многих общих вещах».

Аргумент Уиклифа в пользу реализма прост. Любой, кто верит в объективность истины, утверждает он, уже привержен вере в реальные универсалии. Предположим, что один человек А воспринимается как похожий на другого человека В. Должно быть какое-то отношение С, в котором А напоминает В. Но видя, что А напоминает В в отношении С – это то же самое, что видеть С-ность А и В; и это включает в себя зачатие С-ности, универсально общей для А и В. Так любой, кто может сделать подобное суждение, автоматически знает, что универсалии есть.

Аргументы Уиклифа явно направлены на номинализм гораздо более радикального типа, чем у Оккама. «Имена» системы Оккама не были произнесенными звуками или метками на бумаге: они были терминами на ментальном языке. Целью Уиклифа является не удар по слабому месту Оккама, а именно: по отказу дать какое-либо явное объяснение о связи между условиями его воображаемого ментального языка и реальных знаков в реальном мире. Оккам, кажется, чувствовал, что объяснял особенности латинской грамматики постулированием ментального аналога; но единственная причина для понимания ментального языка, как имеющего какую бы то ни было объяснительную силу, в том, что ее операции происходят в призрачной среде разума. Уиклиф, затрагивая разговор о звуках плоти и крови и знаках пера и чернил, предвосхищает метод философствования Витгенштейна, превращающего скрытый нонсенс в явный.

Одной из тем позднего средневековья была попытка прояснения трехзначной логики. Возможность третьего значения между истиной и ложью передается в различных обращениях Аристотеля к морской битве. В одном случае этот вопрос вызвал спор, который разгорелся по всей Европе.

В 1465 году член художественного факультета университета Лёвена Питер де Риво попросил своих учеников обсудить вопрос: после того как Христос сказал святому Петру: «ты трижды

отвергнешь меня», было ли все еще во власти Петра не отрицать Христа? «Да, – отвечает Питер де Риво, – было, но это не означает, что то, что сказал Христос, было истиной в тот момент, когда он это говорил. Вместо этого мы должны утверждать, что такие прогнозы не были ни истинными, ни ложными, но имели третье истинностное значение – нейтральное».

Эти выводы вызвали долгие споры в теологической среде. Кенни отмечает, что этот эпизод иллюстрирует, как невозможно в истории философии провести четкую грань между Средневековьем и Ренессансом. Логик, который вмешался в эту в высшей степени схоластическую дискуссию, был не кто иной как Папа Римский, который осудил эти положения в 1474 году, парадигмальная фигура Ренессанса – Сикст IV, который дал свое имя Сикстинской капелле.

Таким образом, мы рассмотрели вопросы логики, проанализированные Энтони Кенни в третьей главе его книги. В следующей лекции мы обратимся к вопросам познания в философии Средневековья.

Вопросы для закрепления темы

1. Чем отличается «modistic logic» от «terminist logic»?
2. Что означает понятие «modi significandi»?
3. Что, с точки зрения Оккама, формирует языковую систему?
4. Чем отличаются две основные формы суппозиций, выделяемые Оккамом в его теории?
5. Каковы общие правила Оккама, применимые к выводам самых разных видов?
6. Что объединяет Уолтера Берли и Джона Уиклифа в их критике номинализма Оккама?
7. Какой аргумент приводит Уиклиф в пользу реализма?
8. В чем основной смысл трехзначной логики, и каким образом тема трехзначной логики развивалась в истории философии?

Литература

1. Anthony Kenny. *Medieval Philosophy: A New History of Western Philosophy, Volume 2.* – Oxford University Press. – 2014. – 352 p.
2. Кенни Э. Батыс философиясының жаңа тарихы, 2 том, Орта ғасыр философиясы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. – 400 б.
3. Рассел Б. История западной философии. В двух книгах. Книга 1. – М.: Миф, 1993. – 512 с.
4. Шадрин Д. А. Логика. – М., 2008.
5. Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени [Текст] / отв. ред. П. В. Соколов. – М., 2015.